

УТВЕРЖДАЮ
Ректор ФГБОУ ВПО

«Российский государственный
гуманитарный университет»

чл.-кор. РАН,

д.и.н., проф,

Е.И. Пивовар

» _____ 2014 г.

**Отзыв ведущей организации РГГУ на диссертацию
Назаренко Евгения Юрьевича «Князь Александр Николаевич
Голицын: общественно-политические взгляды и государственная
деятельность», по специальности 07.00.02 — «Отечественная исто-
рия» на соискание ученой степени кандидата исторических наук**

Научно-биографический жанр традиционно является одним из основных направлений диссертационных исследований по истории. Одна из причин этого заключается в том, что в нем наиболее репрезентативно совмещаются общее и частное, закономерное и случайное в историческом процессе. Действительно биографии крупных политических деятелей многое могут прояснить, как во внутренней, так и во внешней политике своего времени, в то же время жизнь человека, рассмотренная в политическом контексте, наполняется множеством смыслов и перестает восприниматься как нечто дополняющее общую картину эпохи. Человек сам становится отражением своего времени. И, тем не менее, обращаясь к эпохе Александра I, мы обнаруживаем огромные пробелы прежде всего в плане биографий крупных политиков. По сути дела на сегодня имеются более или менее полные биографии лишь двух деятелей той поры: М.М. Сперанского и А.А. Аракчеева. Нет биографий ни одного из четырех деятелей Негласного комитета, госсекретаря А.С. Шишкова, министра финансов Д.А. Гурьева, министра внутренних дел О.П. Козодавлева и др. Список легко продолжить. Не было до сих пор и биографии А.Н. Голицына, написанной на уровне современных научных знаний. Возможно, такое положение является отражением все еще существующей инерции делить царствование Александра I на два периода: либеральный и реакционный. Символом первого, как известно, является Сперанский, символом второго - Аракчеев. Как в свое время заметил Пушкин, обедая у Сперанского: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага».

Если расценивать роль государственных деятелей той поры по степени близости их к особе императора и по влиянию на текущие политические дела, то Александр Николаевич Голицын вполне может быть поставлен в один ряд со Сперанским и Аракчеевым. Однако в отличие от них его трудно вписать в одно из двух направлений Александровского царствования. Более того

среди современных историков нет единого представления о том, следует ли Голицына считать либералом или консерваторм. Его государственная деятельность значительно усложняет общую картину Александровского царствования, делая ее непредсказуемой и всё еще не до конца понятной. Поэтому стоит только приветствовать стремление диссертанта разобраться как в человеческом облике Голицына, так и в его общественно-политических взглядах.

Структура диссертации Е.Ю. Назаренко соответствует ее жанру. Первая глава посвящена детству и юношеству Голицына, началу его государственной деятельности и включает в себя Екатерининское, Павловское и первые годы Александровского царствования. Вторая включает в себя военные и послевоенные годы, когда Голицын становится одной из главных фигур в государственном управлении. Затем идут годы апогея его идеологической доктрины: 1817-1821. Об этом идет речь в третьей главе и, наконец, последняя, четвертая, глава посвящена смене политического курса, приведшей к отставке Голицына и последним годам его жизни. Такого рода периодизация жизни и деятельности Голицына сомнений не вызывает, так как основана на тщательном изучении широкого круга источников, среди которых следует особо выделить обилие архивных материалов. Автор также хорошо ориентируется в исследовательской литературе. Однако он не всегда достаточно критичен по отношению к своим предшественникам. Так, например, Е.Ю. Назаренко, на мой взгляд, без достаточных оснований вслед за некоторыми современными исследователями полагает, что для религиозной политики Александра I и Голицына был характерен экуменизм.

Экуменистическое движение – это явление XX века, и для распространения его на более ранние периоды необходимы очень серьезные основания. Объединение церквей невозможно без решения, прежде всего организационных и догматических вопросов. Все разговоры о равноправии христианских конфессий, о единстве христианской веры и т.д. это всего лишь разговоры, которые велись всегда и везде. Но как только речь заходит о решении конкретных вопросов, связанных с объединением, сразу же возникает масса сложностей. Достаточно вспомнить, как сложно проходили переговоры об объединении церквей (еще задолго до возникновения экуменизма) в 1438-1439 гг. сначала в Ферраре, а потом во Флоренции, и в итоге закончились ничем.

При Голицыне, насколько мне известно, никаких переговоров о соединении церквей ни с кем не велось. В чем же тогда экуменизм? Священный союз, напомнивший народам и правителям, что все они являются членами единой христианской семьи, не затрагивал вопросов вероисповедания. Католики должны были оставаться католиками, протестанты – протестантами, а православные – православными. Церкви разные, но вера одна, и более того каждый носит церковь внутри себя. Это и есть мистицизм. И Россия мыслилась Голицыным как поликонфессиональная многонациональная империя во

главе с православной церковью. Уважительное отношение ко всем религиям еще не означает объединение церквей. Согласно статье 40 Свода законов Российской империи «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». И ни каких разночтений за все время существования империи в этом вопросе не было и быть не могло. Поэтому вряд ли можно согласиться с диссертантом, утверждающим, что «мистицизм перестал быть господствующим направлением в идеологической жизни империи, а статус православия как господствующей церкви был восстановлен». Мистицизм действительно был явлением преходящим, но он ни в коей мере не затрагивал православия как господствующего вероисповедания. Само противопоставление мистицизма и православия лишено смысла. Это разноплоскостные явления. Если православие относится к конфессиональной сфере, то мистицизм - к гносеологической. Одно не исключает другое. На тесную историческую связь православия и мистицизма указывал в своё время В.Н. Лосский, на которого, кстати сказать, ссылается и диссертант: «Восточное Предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между личным опытом познания божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью». Характерно, что при этом Лосский апеллирует к мнению Филарета (Дроздова): «Необходимо, чтобы никакую, даже в тайне сокровенную премудрость (мы) не почитали для нас чуждою, и до нас не принадлежащую, но со смирением устроили ум к божественному созерцанию и сердце к небесным ощущениям» (Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991. С.98).

Другое дело, что причины распространения в Александровское царствование мистицизма, как это хорошо показал Е.Ю Назаренко, заключались в том числе в слабости православного духовенства, не способного удовлетворить духовные запросы русской элиты. Но одно дело духовенство, другое вера. Мистицизм мог быть предметом полемики, а православие – нет. Поэтому нигде и никогда ни Александр I, ни тем более Голицын не декларировали свое намерение поменять вероисповедание. А следовательно, все разговоры о православной оппозиции, которая якобы привела к падению Голицына не имеют под собой никакой почвы. Можно только пожалеть о том, что диссертант принимает на веру, без должной верификации это положение. Даже если оставить в стороне элементарную логику, исключаящую для одного и того же объекта возможность одновременно занимать господствующее и оппозиционное положение, то самая эта формулировка «православная оппозиция», в стране где православная религия является господствующей, способно скорее затемнить, чем прояснить суть дела.

Допустим, что оппозиция министерству Голицына действительно выдвигало в качестве своей идеологии православие. Но тогда, где среди оппозиционеров хоть один идеолог православия. Фотий - не идеолог, Аркачев - еще в меньшей степени. Идеолог - Шишков, но его идеология строится на

национализме, а не православии. Душой нации, по Шишкову, является ее язык. Религия тоже для него важный компонент, но все-таки не самый главный. Если же говорить о православии как о специфическом идеологическом феномене в Александровской России, то я бы выделил две наиболее значимых фигуры: А.С. Стурдзу и Филарета (Дроздова). При этом никто из них не чуждался мистики, и никто из них не имел никакого отношения, к тому, что автор диссертации называет «православной оппозицией». Более того и Стурдза, и Филарет были намного ближе к Голицыну, чем к Аракчееву.

Еще большее недоумение вызывает выражение «православные консерваторы». А где в России неправославные консерваторы? Разве что Жозеф де Местр. И либералы у нас в основном православные. Вообще в стране, где православие составляет основу культуры, оно не может служить дифференциальным признаком. Во всяком случае, если Голицына считать консерватором, как это делает автор диссертации (и я с этим не спору), то он такой же православный консерватор, как и Шишков и все остальные. Другое дело, что подход Александра I и Голицына к вопросу религии был глубоко светским и определялся, прежде всего, вопросами политическими, о чем много и правильно говорится в рецензируемой диссертации. Но ведь и отношение к религии у Аракчеева и Шишкова тоже было вполне светским. Я понимаю, что в данном случае я спору не совсем с автором рецензируемой диссертации. И в случае с «экуменизмом» и в случае с «православной оппозицией» он лишь воспроизводит штампы, распространившиеся в современной историографии. Но если уж он решил их использовать, то стоило бы прежде проверить их состоятельность.

Там же, где Е.Ю. Назаренко пользуется не штампами, а непосредственно анализирует источники, он демонстрирует высокий научный уровень. Он дает убедительное и интересное объяснение, почему Голицын, несмотря на свои дружеские отношения с Александром I, сложившиеся еще в Екатерининскую эпоху, не вошел в Негласный комитет, состоящий в основном из старых друзей царя. Автор совершенно справедливо указывает на то, что Голицын не хотел принимать участие в политических экспериментах над монархической властью, которыми в то время увлекался, во-первых, сам царь, а во-вторых, его окружение. Это свидетельствует, как справедливо полагает диссертант, не только о консерватизме Голицына, но и о самостоятельности его политической позиции. Изыскания Е.Ю. Назаренко хорошо показывают, что политическое значение Голицына росло по мере нарастания у царя консервативных настроений. Их роднило то, что консерватизм и у царя, и у Голицына в период заграничных походов приобрел космополитический оттенок, что, вообще говоря, не характерно для российского консерватизма, ориентированного, как правило, на национальную самобытность. Но если добавить сюда религиозную компоненту, то окажется, что космополитический консерватизм лучше отражает суть православия как мировой религии, чем

стремление русских националистов замкнуть православную веру в рамках русской национальности.

Е.Ю. Назаренко ставит важный вопрос о соотношении мистицизма и просвещения: «На наш взгляд, нельзя говорить о господстве мистицизма в образовании. Стремление к развитию творческого потенциала личности была свойственна не только мистикам, но и философам эпохи Просвещения, идеи которых напрямую повлияли на развитие либеральных реформ первого десятилетия XIX века. В реформе духовных училищ проявились как рационализм, так и некоторые черты мистицизма». Это положение в целом правильное, нуждается в некотором дополнении. В период министерства Голицына само понятие просвещения меняет свой смысл. Если в XVIII в. под ним понимали, прежде всего, борьбу разума против предрассудков, то при Голицыне термину «просвещения» возвращается его первоначальный смысл – внесение света истинной веры во мрак язычества, как это было во времена Святого Владимира. Правда, теперь речь идет не о язычестве, а «ложных» теориях философов-просветителей, объясняющих мир без участия в нем божественной воли. Так возникает противопоставление «истинного» и «ложного» просвещения. Ложное просвещение становится синонимом безверья, а истинное, наоборот, наполняется религиозно-мистическим содержанием.

В диссертации хорошо показаны истоки мистицизма Голицына: квиетизм, пиетизм, Я. Бёме, Э. Сведенбога, И-Г. Юнга-Штилллинг и т.д. Е.Ю. Назаренко справедливо указывает на то, что Священный союз отвечал интересам России как поликонфессионального государства: «В результате разделов Речи Посполитой, Фридрихсгамского мирного договора и решений Венского конгресса к середине 1810-х гг. к России отошли земли Польши и Финляндии, население которых было преимущественно нерусским и неправославным, обладало высокой культурой и развитым национальным самосознанием. Мистико-космополитическая концепция, противостоящая начавшим складываться в ту эпоху националистическим тенденциям, должна была способствовать мирной и бесконфликтной инкорпорации этих территорий в Российскую империю». Здесь совершенно справедливо указывается на то, что Священный союз был ориентирован на внутреннюю политику ничуть не меньше, чем на внешнюю. Если внешняя деятельность Священного союза возглавлялась непосредственно царем, то внутренняя находилась в компетенции Голицына.

Именно тесная связь внешней и внутренней политики Священного союза и стала, на мой взгляд, причиной отставки Голицына, которую стоит приписывать проискам Аракчеева и Фотия ничуть не в большей степени, чем противодействию Меттерниха внешнеполитическому курсу царя. И то и другое стало лишь внешним проявлением более глубоких процессов, показавших утопизм идеологии Священного союза, оказавшегося не в состоянии предотвратить новую революционную волну в Европе. Поэтому не стоит переоценивать ни единства противников Голицына, ни степени их влияния на

царя. Александр I вообще плохо поддавался чьему бы то ни было влиянию, но при желании очень хорошо имитировал, что то или иное решение он принимает под чьим-то давлением. Так было с отставкой Сперанского, так было с назначением Кутузова на должность главнокомандующего в 1812 г., так было и с отставкой Голицына. Для того чтобы охватить все аспекты этого происшествия было бы продуктивным различать план выражения и план содержания полемических высказываний. Для Аракчеева, а именно он был главным организатором атак на Голицына, речь шла не о защите православия от мистицизма, что само по себе было бессмысленным, а о политическом уничтожении своего конкурента. Споры о религиозных текстах были лишь внешним выражением наметившейся смены политического курса. На смену идеям космополитизма шли идеи национализма. При этом православие могло мыслиться и как космополитическая (кафолическая) вера и как национально русская. Для людей типа Стурдзы, Филарета и Голицына, православие было мировой религией восточного происхождения, для Шишкова – национально русской. Таким образом, борьба за власть обернулась не торжеством православия, а поворотом от космополитизма к национализму. Примерно то же самое было в 1812 г., когда Шишков сменил Сперанского в должности госсекретаря. В 1824 г. Александр еще раз попытался разыграть ту же карту, только в роли Сперанского теперь выступил Голицын.

Говоря о борьбе за власть между Голицыным и Аракчеевым было бы интересно исследовать стремление Голицына привлечь на свою сторону общественное мнение. Частично этот вопрос рассматривался в докторской диссертации А.Г. Готовцевой «Публицистика К.Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг. (10.01.10 - журналистика). (М.: РГГУ, 2011). Готовцева исследовала, в частности, сюжет о связи Голицына и сатиры Рылеева «К временщику», направленной против Аракчеева. Возможно, ее гипотеза не является бесспорной, но в любом случае было бы интересно услышать мнение Е.Ю. Назаренко по этому поводу.

Несмотря на отмеченные недостатки, диссертация Е.Ю. Назаренко – законченный и самостоятельный труд, значительно обогащающий современные представления о политической истории России первой четверти XIX в. Ее результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по политической истории России, а также при чтении общих и специальных курсов.

Проверки диссертации и автореферата системой «Антиплагиат. ВУЗ» подтвердила оригинальный характер проведенного исследования. Подлинность публикаций, указанных в автореферате подтверждено.

Диссертация Е.Ю. Назаренко полностью соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Содержание работы адекватно отражено в автореферате и печатных статьях. Е.Ю. Назаренко заслуживает присуждения ему искомой степени.

Текст отзыва составлен Парсамовым Вадимом Суменовичем, доктором исторических наук, профессором кафедры истории России средневековья и нового времени, обсужден и утвержден на заседании кафедры истории России средневековья и нового времени 27 августа 2014 г., протокол № 01.

Заведующий кафедрой истории
России средневековья и нового времени
д.и.н., профессор
27 августа 2014 г.

А.Л. Юрганов

25993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Телефон: 8 (499) 250-61-18
Факс: 8 (499) 250-51-09
Электронная почта: rsuh@rsuh.ru
РГГУ

